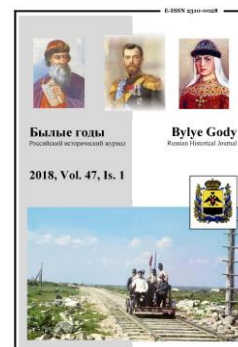

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 79-87. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.79
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Asymmetric Conflicts of Global Powers and Formation of the National Identity in Comparative View of Postcolonial Studies

Stanislav G. Malkin ^{a,*}, Sergey O. Buranok ^a, Dmitry A. Nesterov ^a

^a Samara State University of Social Sciences and Education, Russian Federation

Abstract

Formation of the national identity and designing of the political nation is not only a subject of studying for the contemporary historian, but also essential imperial (on character and in essence) a task for the British and Russian states – as for implementation of imperial projects in the 18th century, and for the successful competition to nationalisms within the empire and beyond its limits in the 19th and 20th centuries. In Russia and Britain during the Modern history the identity, thus, was imperial identity, and in this sense its components gained imperial value and measurement. Among them including images of the Scottish Highlander and Cossack/man of the steppe – at first as constituting "Other" as rebellious "barbarian" as a peculiar inversion of the age of Enlightenment and then as an example of patriotism and a sample of the hero of the empire during an era of preromanticism and romanticism of the second half of XVIII – the first third of the 19th centuries.

Thus the romanticism was one of the forms of further intellectual colonization of the European outskirts and its inhabitants, still rebellious yesterday, and historical modeling of the asymmetric conflicts between the "barbaric" outskirt and "civilized" political center by means of the historical novel as one of the most important cultural events of the 19th century became the main historic-literary reception in this case. Staying in much in the shadow of Enlightenment, this process reflected the phenomena in the history of the British and Russian social and political thought not less important, than reaction to revolutionary events in France, the Napoleonic wars, judgment of social consequences of an industrial revolution in Great Britain or preservations of a serfdom in the Russian Empire.

At the same time historical modeling of the asymmetric conflicts typical for imperial suburbs during an era of colonial powers, was carried out not only in the form of the historical novel, but also in the form of historical letter per se. The narrative tradition of the center in this sense represented not only a way of judgment of the past, but also was one of forms of colonial knowledge influencing formation of imperial identity. The post-colonial deconstruction of such compositions on "lessons of history" (about "useful" past to consolidation of the political nation) in comparative view allows to see how there was a process of outskirts integration into an empire body at the rhetorical level, in the sphere of public consciousness, at the level of adoption of concrete political decisions.

Keywords: asymmetric conflict, comparative studies, postcolonial studies, national identity, British empire, Russian empire.

1. Введение

Рассуждая о европейском романтизме в эпоху Нового времени, специалисты, как правило, трактуют своеобразие этого историко-культурного феномена от противного – как анти-Просвещение. Не случайно формирование романтизма приходится на вторую половину XVIII в., расцвет совпадает с рубежом XVIII–XIX вв. и, как известно, напрямую связан с влиянием Великой французской революции. Неудивительно, что в России и Британии, этих окраинных империях Европы, романтизм

* Corresponding author

E-mail addresses: s.g.malkin@mail.ru (S.G. Malkin)

представлял в это время в качестве своеобразной интеллектуальной общественной реакции на революционные эксцессы событий, происходивших во Франции.

Противопоставляя характерной для Просвещения вере в Разум и Прогресс культ природы и человеческого естества, творцы романтизма (как на литературном поприще, так и на политическом) активно эксплуатировали образ еще не испорченного цивилизацией «благородного дикаря». В Британии второй половины XVIII – первой трети XIX вв. на эту роль были назначены шотландские горцы, которые и сами активно поддерживали этот романтический миф, успешно прикрываясь им в карьерных интересах (Clyde, 1998).

В России – особенно в контексте специфики восприятия Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. – аналогичным образом мифологизировались образы казаков и степных народов империи (башкиры, калмыки), смешивавшиеся, порой, до полного неразличения. В этом смысле образы «варваров» иррегулярных частей российской армии, сформировавшиеся за рубежом в ходе Наполеоновских войн, оказывали заметное влияние на их восприятие в самой России (Байер, Магаков, 2010: 250–274).

Однако вопрос о том, каким именно образом осуществлялся процесс мифологизации имперских окраин и их мятежных обитателей, продолжает оставаться предметом академических дискуссий. Наша исследовательская позиция заключается в том, что основным историко-литературным приемом в данном случае стало историческое моделирование асимметричных конфликтов между «варварской» окраиной и «цивилизованным» политическим центром посредством исторического романа как одного из важнейших культурных событий XIX в. Недостаточная изученность этого феномена как раз и обуславливает актуальность предпринятого исследования.

В какой мере такой подход к изображению истории окраин европейских империй в XVIII в. проецировался в «Истории пугачевского бунта» Александра Сергеевича Пушкина и «Историческом сообщении о клане МакГрегор» сэра Уолтера Скотта политической прагматикой и практикой XIX в. – национальностью (внутренний фактор) и имперским строительством (внешний фактор)? Так ли уж различались на каждом из этапов своего существования Российская и Британская империи, имея ввиду масштабный и значимый опыт внутренней колонизации, присущий им обеим? Как в этих «континентальной» и «морской» империях XIX в. интеллектуальные элиты и власть осмысливали опыт модернизации имперских окраин в предыдущем столетии – превращение мятежников в лояльных подданных, врагов империи – в ее друзей?

2. Материалы и методы

Сравнительный метод в историческом исследовании таит в себе определенные опасности. Во-первых, историческая наука держится, прежде всего, на работе с первоисточниками; компаративные исследования часто основаны на источниках, полученных из вторых рук. Во-вторых, построение типологий, порой, ведет к упрощениям. Во избежание первой опасности основным объектом сравнения выступают все же не интерпретации, а сами документы эпохи (прежде всего, «История пугачевского бунта» и «Историческое сообщение о клане МакГрегор»). Что касается второй опасности, то о противоядии такому ложному сравнению упоминал в своих работах еще Марк Блок: для сравнения берутся два разных, но сопоставимых явления – например, общества, находящиеся по соседству и существующие в один и тот же исторический период. В этом случае сравнивают для того, чтобы резче выявить особенности сравниваемых феноменов. Тогда черты сходства оказываются неким историческим фоном, на котором яснее и резче выступают различия (Луцицкая, 2003: 310).

Среди главных достоинств компаративной истории, по мнению Доминика Ливена, одного из виднейших специалистов в активно формирующейся области сравнительной истории империй, – «ее способность ставить под сомнение общепризнанное, поднимать неожиданные вопросы и рассматривать проблемы под новым углом зрения. Замкнувшись в тесном пространстве «своей» страны или эпохи, историки зачастую уделяют непропорционально большое внимание весьма узкому кругу предметов и проблем... История может быть искажена...» (Ливен, 2007: 18).

Таким образом, вопрос о критериях компаративного анализа оказывается едва ли не определяющим для его характера, содержания, суждений и выводов. Между тем редкий специалист рассматривал исторические сочинения Скотта и Пушкина как цельные произведения, имеющие свои определенные задачи в контексте имперской нарративной традиции. Об обоих авторах, разумеется, в избытке написано как о романистах, меньше – как об историках, почти ничего – как об историках пограничных краев. В этой связи представляется, что сейчас важно постулировать в качестве объекта исследования исторические сочинения сами по себе, а не как источники правдивой или ложной информации о прошлом отдельных имперских окраин – Горной Шотландии и Оренбургского края.

Необходимо последовательно поместить «Историю пугачевского бунта» А.С. Пушкина и «Историческое сообщение о клане МакГрегор» сэра У. Скотта в контекст биографий их авторов, исторический контекст расширения Британской и Российской империй в XVIII–XIX вв., историко-литературный контекст эпохи и, таким образом, выделить биографический, актуально-политический и жанрово-стилистический пласты их содержания. Иными словами, понять, как и зачем написаны

эти исторические сочинения с точки зрения их роли в укреплении британской/российской идентичности и Британской/Российской империи.

3. Обсуждение

Исследовательская оптика, требует при этом отдельного комментария. Постколониальные исследования в области литературных предпочтений в европейских империях (зыбкие, однако, в тех случаях, когда литературный дискурс полагают самодостаточным для исторического анализа) могут в этом случае послужить достаточно надежной методологической опорой нашей работы.

Обобщая предположения авторов, разделяющих ориенталистский взгляд Эдварда Саида (Said, 1978) на характер взаимоотношений колониальной власти и ее литературной традиции (роль литературы в укреплении идеологических основ империализма в эпоху Нового времени) в британском контексте воспользуемся его же замечанием о том, что «британское владычество было выработано и осознано в английской новелле» (Said, 1993; Miller, 1988; Ridley, 1983). Применительно к Российской империи феномен этих отношений также подвергается активному осмыслению (Сопленков, 2000; Киршбаум, 2012: 246–283; Норимацу, 2012: 284–308; Лекке, 2012: 552–584; Вульф, 2003; Нойманн, 2004).

Однако, во-первых, Британская империя, как и Российская, формировалась и до XIX в., а имперские ситуации проецировались и осмысливались не только в новелле, если иметь в виду литературные жанры (Bickham, 2005; Fulford, 2006). Во-вторых, сам литературный процесс носит многообразный характер. Исторические сочинения профессиональных литераторов в не меньшей степени, чем литературные опыты профессиональных историков, обнаруживают процесс интеллектуальной колонизации имперского пространства «post factum» (так, в первой половине XIX в. ни Горная Шотландия, ни Оренбургский край, например, окраинами Британской и Российской империй уже не являлись).

Уникальность ситуации данном случае заключается в том, что Скотт и Пушкин не разделяли в своем творчестве исторические изыскания и литературную деятельность – в первой трети «романтического» XIX в. это было скорее правилом, чем исключением. А вот остаться вне процесса «изобретения» национальной и/или имперской традиции (в понимании британского историка Эриха Хобсбаума) в еще и «национальном» XIX в. «печатного капитализма» было для мастеров пера, видимо, уже невозможно (The Invention of Tradition, 1983).

Таким образом, Скотт и Пушкин оказываются включенными в этот и по сей час незавершенный процесс, конструируя и реконструируя характер, типы и образы лояльных подданных и мятежников империи, в полной мере раскрываясь не только в романах, но и во вводивших читателя в их художественный мир исторических экскурсах. В данном случае это «История пугачевского бунта» / «История Пугачева» и «Историческое сообщение о клане МакГрегор» (Пушкин, 1962; Scott, 1893).

Романтический (в данном случае анти-просвещенческий) образ русского народа в сочинениях Пушкина и романтическая революция в восприятии обитателей кельтских окраин Великобритании в начале XIX в. в сочинениях Скотта рассматриваются нами как раз через призму аналитических категорий, введенных в научный оборот Саидом, Хобсбаумом и еще одним британским историком, Бенедиктом Андерсоном, в конце 1970 – начале 1980-х гг. с поправкой на авторскую трактовку исследовательского потенциала предложенных ими концепций (Anderson, 1983).

В конце 1980-х гг. Хобсбаум предложил концепт «изобретенной традиции» – создание наций (процессы, в которых европейский романтизм XVIII–XIX вв. играл особую роль) связано с формулированием объединяющих «традиционных» (историко-культурных) начал такого воображаемого сообщества. Последнее – аналитическая категория, предложенная в 1983 г. Андерсоном и использованная Хобсбаумом при выработке концепции «изобретенной традиции». Для современных исследователей империй и национализмов концепции Саида, Хобсбаума и Андерсона по-прежнему являются обязательным чтением и, часто, отправной точкой научного поиска.

Однако в отличие от Саида, мы не сводим постижение «другой» реальности лишь к ее перетолкованию в интересах господства и подчинения – так, романтизация горца и казака была не только формой расширения британского присутствия в Шотландии и российского присутствия на окраинах империи, но и инструментом проникновения в институты британского и российского государства (администрацию и армию) самими шотландцами и казаками, а романтические представления о русском народе постоянно колебались между идеей политической нации и лояльностью династии Романовых (MacKillop, 2000; Миллер, 2008).

Имея в виду исследования шотландских коллег, невозможно согласиться с тем, что до изобретения романтической версии шотландской истории Горная Страна была для британских романтиков «чистым листом», лишенном культурной специфики. Что же касается российских реалий, то к рубежу XVIII–XIX вв. многие важные составляющие национализирующего дискурса вполне укоренились среди российской интеллектуальной элиты: это и само понятие нации в значении всего населения страны, и концепт «народа российского», обладающего особым национальным характером, и представление о том, что русские должны писать свою национальную историю сами (Миллер, 2010: 42–66).

Наконец, в том, что касается воображаемых сообществ Андерсона, необходимо учитывать, что, хотя сама концепция описывает модель нациестроительства в рамках отдельного национального государства, имперская идентичность европейских империй Нового времени выстраивалась по тому же самому принципу.

4. Результаты

Итак, отсылая читателя к его школьной памяти в поисках хорошо известных биографических подробностей из жизни и творчества Скотта и Пушкина, сосредоточимся на особенно важном в нашем случае сюжете – на отношениях с властью. Ряд фактов в биографии Скотта общепризнанно считается весьма показательным: служба в милиции, участие в организации извлечения королевских регалий и подготовка визита короля Георга IV Ганновера в Эдинбург в 1822 г. (первый визит британского монарха в Шотландию после 1650 г.). Это событие стало без преувеличения кульминацией романтической революции по сценарию Скотта в буквальном смысле этого слова, поскольку именно «шотландский чародей», как признанный эксперт по шотландским древностям, был выбран распорядителем церемоний.

Король оделся в специально пошитый для него килт и в сопровождении большой свиты принимал участие в многочисленных мероприятиях, следуя сценарию огромного спектакля, разработанного Скоттом с помощью драматурга Уильяма Генри Мюррея. Основным событием в рамках визита короля стал бал в честь суверена, на который организаторы допускали визитеров прежде всего в горском наряде, поскольку ожидалось, что король также явится на бал в килте. В результате нехватка килтов была в те дни так велика, что некоторым пришлось одалживать килты у военных из шотландских хайлендских полков, расквартированных вблизи Эдинбурга.

«Кельтификация Шотландии сэра Уолтера» – так определил произошедшие события зять «шотландского барда». По меткому замечанию Колина Кидда, Скотт, «применив сентиментальный блеск якобитизма к либеральной конституционной системе правления, превратил шотландское прошлое в идеологически нейтральное театральное представление» (Kidd, 1994: 12). Эта романтическая революция в восприятии шотландского горца в Британии растянулась почти на столетие. В конечном итоге к середине XIX в. горцы превратились из угрозы королевству в один из наиболее ярких и эффектных символов британского могущества как внутри, так и за пределами Британской империи.

Таким образом, Шотландия интегрировалась в Великобританию, а местные элиты успешно осваивали британские институты прежде всего колониального управления, используя романтические образы и представления. Шотландцам удалось (в том числе благодаря усилиям сэра Уолтера Скотта) на долгое время вытеснить на периферию общественного сознания идею нации-государства, актуальную для Европы Нового и Новейшего времени. Романтическая революция в историописании способствовала формированию шотландской национальной идентичности и сохранению шотландского национального движения на протяжении довольно долгого времени в культурных рамках (в широком смысле этого слова), за пределами мира политики (Апрыщенко, 2008: 220–238).

Неудивительно, что в своих исторических штудиях и литературных опытах проводником в Горный Край, каким тот был во времена действия романа «Уиверли, или Шестьдесят лет назад» и «Роб Роя», прославленный романист избрал современника и очевидца, никогда бы не помыслившего себе за «Робин Гудами» Горной Страны тех удивительных качеств, которые вызывали восхищение образованной британской публики в первой половине XIX в. Одним из основных источников для Скотта при написании «Роб Роя» послужило пространное сочинение Никола Грэма из Гэртмора, жившего у самой границы Хайленда и смотревшего на своих соседей в горах через призму одной из наиболее популярных антитез Просвещения – «варварство–цивилизация» (Graham, 1822: 338–370).

Более того, соображения Грэма из Гэртмора в виде прямой цитаты вложены в уста одного из героев «Роб Роя», Никола Джарви, и совпадение имен, видимо, здесь не случайно. По меткому выражению одного из виднейших британских историков Т.Б. Маколей, до середины XVIII в. на Горную Страну смотрели «сквозь завесу предрассудков, которая затем сменилась яркими красками романтической поэзии, и было навсегда упущено время, когда могла быть нарисована во всей полноте истинная картина» (Маколей, 2001: 131). Преувеличивая «варварские» реалии Хайленда до его окончательного умиротворения после разгрома якобитов при Каллодене с одной стороны, и благородство местных «дикарей» с другой, Скотт усиливал эффект романтической революции, придавая интеллектуальной колонизации Горной Страны, какой она представляла в общественном сознании британцев, последовательность и завершенность.

Характер властных отношений в творческой судьбе Пушкина традиционно представляется более противоречивым, даже конфликтным. Однако, по крайней мере, в конкретном случае истории создания «Истории пугачевского бунта» дело выглядит не столь однозначным. Автора допустили в архивы военного министерства (материалы Секретной экспедиции Военной коллегии по делу о восстании под предводительством Емельяна Пугачева), позволили работать с документами, недоступными широкой публике (именные указы Екатерины II генералам, участвовавшим в подавлении Пугачевщины), профинансировали издание исторического сочинения (Оксман, 1984: 148–170).

Таким образом, разницу в том, как сочетались личные, профессиональные интересы Скотта и Пушкина и политический интерес властей Британии и России первой трети XIX в., следует искать в степени их совпадения. Цензурные правки, вносимые лично Николаем I в «Историю пугачевского бунта», и отсутствие подобной практики в случае с «Историческим сообщением о клане МакГрегор» – обстоятельства, имеющие принципиальное значение для ответов на поставленные нами вопросы (Оксман, 1984: 152).

Если Скотту вынести в заглавие романа «Роб Рой» имя вчерашнего врага империи предложил сам издатель, а книга (как роман, так и историческая справка в качестве введения) была восторженно встречена публикой как в Эдинбурге, так и в Лондоне, то участь «Истории пугачевского бунта» оказалась иной. Оригинальное название работы – «История Пугачева» – император изменил на более благонадежное – «История пугачевского бунта». При этом последняя была весьма прохладно встречена читающим обществом (чего нельзя сказать о самом романе «Капитанская дочка»).

5. Заключение

Если перевести эту историю на язык британской и российской романтической литературы, ставшей одним из культурных воплощений колониального знания о мятеже (и частью нарративной традиции внутренней колонизации), то ее имперский контекст наиболее полно проявился в творчестве Скотта и Пушкина. В подавляющем большинстве работ внимание сосредоточено либо на их роли в романтизации образа горца и казака, либо на месте сочинений Скотта в конструировании юнионистской «концентрической» идентичности шотландцев как жителей Шотландии и Великобритании одновременно.

Не меньший интерес, однако, имеет связь между формами имперского мышления, формированием имперской идентичности и романтизмом в историческом (историко-литературном) наследии Скотта и Пушкина. В свое время «История пугачевского бунта» (1834 г.) Пушкина показала Василию Осиповичу Ключевскому не более чем «длинным объяснительным примечанием» к роману «Капитанская дочка», увидевшему свет два года спустя после «Истории...», в 1836 г. Сам автор как будто подтверждает такую интерпретацию своего исторического сочинения: «Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного...» (Пушкин, 1962: 6).

Сэр Уолтер Скотт, «шотландский чародей», завоживший жанром исторического романа и А.С. Пушкина, в схожих выражениях откомментировал свое «Историческое сообщение о клане МакГрегор»: «Самое лучшее введение, которое можно предпослать настоящей повести [«Роб Рой», 1817 г.] – это очерк жизни того замечательного человека, чье имя значится на заглавном месте и чья слава, добрая или дурная, заняла в народной памяти удивительно прочное место» (Scott, 1893: 115).

Что ж, автор, порой наиболее полно являет себя в комментариях. Обширные введения к историческим романам столпов литературы Российской и Британской империй первой трети XIX в. были призваны подтвердить истинность рассказа в тех случаях, когда читателю, не знакомому или малознакомому со своей имперской окраиной (будь то Оренбургский край или Горная Шотландия, особенно в их мятежном состоянии в XVIII в.), могло показаться, что автор переступает границы правдоподобного и расширяет смысл сказанного им. Компаративный анализ «Истории пугачевского бунта» и «Исторического сообщения о клане МакГрегор», таким образом, позволяет в весьма своеобразной позиции наблюдателя за наблюдателем увидеть, как на мятежные окраины XVIII в. смотрели из XIX в. (от реальной вражды к романтической дружбе) – своеобразное путешествие в пространстве и времени.

При этом речь идет о примерно одном и том же хронологическом промежутке шестидесятилетней давности. Уместно вспомнить название первого «шотландского» романа Скотта – «Уиверли, или шестьдесят лет назад». И хотя «Роб Рой», действие в котором приходится на якобитский мятеж 1715–1716 гг., подошло бы для названия «сто лет назад» (роман опубликован в 1817 г.), однако его социальная, экономическая и политическая реальность – это Хайленд всей первой половины XVIII в. А само «Историческое сообщение...» в качестве введения появилось уже при переиздании романа в 1829 г. – всего за пять лет до выхода «Истории пугачевского бунта». Последнее восстание якобитов в Горной Стране (1745–1746 гг.) от восстания пугачевцев в Поволжье и на Урале (1773–1775 гг.) в исторической перспективе (или ретроспективе) также отделяет совсем не такой большой срок, как могло показаться княгине Екатерине Романовне Дашковой во время ее визита в Британию (Кросс, 1995: 223–268).

Представление о шотландском горце как о внутреннем «Другом» являлось связующим звеном между формированием британской политической нации и созданием Британской империи. Для укрепления представления об англо-шотландском единстве после Унии 1707 г. «варвары» Горной Страны подходили более прочих. Со времени Славной революции Стюарты опирались на шотландские кланы, поэтому угроза протестантскому престолонаследию ассоциировалась у жителей Великобритании именно с горцами.

С другой стороны, на эту же роль внутреннего «Другого» для формировавшейся российской политической нации претендовали казаки и степняки, на протяжении долгого времени бывшие основной социальной базой мятежей на окраинах Российской империи, угрожавших как

общественно-политическому строю, так и государственному единству страны (достаточно вспомнить некоторые события Смутного времени).

Следовательно, формирование национальной идентичности и конструирование политической нации представляло собой двуединую задачу, стоявшую как перед британским, так и перед российским государством Нового времени. При этом задача эта носила имперский характер, так как ее решение играло большую роль не только в интеграционных процессах в Британии и России в XVIII в., но и для противодействия национальным движениям в империи и за ее пределами в XIX и XX вв.

Таким образом, вопросы идентичности в России и Британии Нового времени приобретали имперское значение и измерение. Среди них – и вопрос о роли шотландского горца и казака/степняка – сначала как конституирующего «Другого» в эпоху Просвещения, мятежного «варвара», а затем, в эпоху романтизма, как образец подлинного героя империи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект N17-78-20029).

Литература

Апрыщенко, 2008 – Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д: изд-во ЮФУ, 2008. 288 с.

Байер, Магаков, 2010 – Байер Н., Магаков Г.Ю. «Край благородных дикарей»? Представления британской общественности XVIII в. о юге России и его казачьем населении // *Британские исследования*. Выпуск III. Сборник статей. Ростов н/Д, 2010. С. 250–274.

Вульф, 2003 – Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.

Киришбаум, 2012 – Киришбаум Г. Двойной ориентализм казачьей темы в творчестве Пушкина // *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 246–283.

Кросс, 1995 – Кросс Э. Г. Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776–1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию» (1777 г.) // *XVIII век*. Сб. 19. СПб: ИРЛ РАН, 1995. С. 223–268.

Лекке, 2012 – Лекке М. Внутренние колонии – пестрые окраины: Украина и Беларусь (Малороссия и Белороссия) в произведениях А.И. Куприна // *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 552–584.

Ливен, 2007 – Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М: Европа, 2007. 688 с.

Лучицкая, 2003 – Лучицкая С.И. Сравнительный метод в истории: взгляд из Германии (достижения и перспективы немецкой компаративистики) // *Сравнительная история: методы, задачи, перспективы*. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 302–318.

Маколей, 2001 – Маколей Т.Б. Англия и Европа: Избр. эссе. СПб.: Алетейя, 2001. 500 с.

Миллер, 2008 – Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.

Миллер, 2010 – Миллер А. Приобретение необходимого, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX вв.) // *Imperium inter Pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 42–66.

Нойманн, 2004 – Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Норимацу, 2012 – Норимацу К. Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма // *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 284–308.

Оксман, 1984 – Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // *Пушкин А.С. Капитанская дочка*. АН СССР. Литературные памятники. Л.: Наука, 1984. С. 148–170.

Пушкин, 1962 – Пушкин А.С. История Пугачева // *Собрание сочинений в 10 т. Том 7*. М.: ГИХЛ, 1962. С. 6–149.

Сопленков, 2000 – Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 214 с.

Anderson, 1983 – Anderson B. Imagined Communities: reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London and New York: Verso, 1983. 224 с.

Bickham, 2005 – Bickham T. Savages within the Empire: Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain. Oxford: Oxford University Press, 2005. 314 p.

Clyde, 1998 – Clyde R.D. From Rebel to Hero: The Image of the Highlander, 1745–1830. East Linton: Tuckwell Press, 1998. 201 p.

- Fulford, 2006** – *Fulford T.* Romantic Indians. Native Americans, British Literature and Transatlantic Culture, 1756-1830. Oxford: Oxford University Press, 2006. 336 p.
- Graham, 1822** – *Graham N.* An Inquiry into the Causes which Facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, &c, 1747 [Extracts from a MS. in the possession of the Gartmore family, communicated by Walter Scott, Esq.] // *Burt E.* Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. London: Ogle, 1822. pp. 338–370.
- Kidd, 1994** – *Kidd C.* Antiquity and National Identity // *English Historical Review.* 1994. № 1197–1214. p. 12.
- MacKillop, 2000** – *MacKillop A.* «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton: Tuckwell Press, 2000. 290 p.
- Miller, 1988** – *Miller D.* The Novel and the Police. Berkley: University of California Press, 1988. 222 p.
- Ridley, 1983** – *Ridley H.* Images of Imperial Rule. London: Palgrave Macmillan, 1983. 181 p.
- Said, 1993** – *Said E.W.* Culture and Imperialism. London: Vintage Books, 1993. 380 p.
- Said, 1978** – *Said E.W.* Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.
- Scott, 1893** – *Scott W.* Manners, Customs and History of the Highlanders of Scotland. Historical Account of the Clan MacGregor. Glasgow: Thomas D. Morison, 1893. 236 p.
- Hobsbawm, Ranger, 1983** – *Hobsbawm E., Ranger T.* (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.

References

- Apryshhenko, 2008** – *Apryshhenko V.Ju.* (2008). Unija i modernizacija: sta-novlenie shotlandskoj nacional'noj identichnosti v XVIII – pervoj po-lovine XIX v. [Union and modernization: the formation of scottish national identity during XVIII – first half of the XIX c.]. Rostov n/D: izd-vo JuFU. 288 p. [in Russian]
- Bajer, Magakov, 2010** – *Bajer N., Magakov G.Ju.* (2010). «Kraj blagorodnyh dikarej»? Predstavlenija britanskoj obshhestvennosti XVIII v. o. juge Rossii i ego kazach'em naselenii [«The noble savages region»? British society' thoughts about South of Russia and its Cossack people in the XVIII c.]. *Britanskije issledovanija.* Vypusk III. Sbornik statej. Rostov n/D. pp. 250–274. [in Russian]
- Vul'f, 2003** – *Vul'f L.* (2003). Izobretaja Vostochnuju Evropu: karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija [Inventing Eastern Europe: the map of civilization within the mind of the age of Enlightenment]. M.: Novoe literaturnoe obo-zrenie. 560 p. [in Russian]
- Kirshbaum, 2012** – *Kirshbaum G.* (2012). Dvojnoj orientalizm kazach'ej temy v tvorcestve Pushkina [Double orientalism of the Cossack theme in the writing of Pushkin]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii.* Sb. statej. Pod red. A. Jetkinda, D. Uffel'manna, I. Kukulina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 246–283. [in Russian]
- Kross, 1995** – *Kross Je.G.* (1995). Poezdki knjagini E.R. Dashkovej v Velikobritaniju (1770 i 1776–1780 gg.) i ee «Nebol'shoe puteshestvie v Gornuju Shotlandiju» (1777 g.) [Travels of Princess E.R. Dashkova in Great Britain (1770 and 1776–1780) and her «Little journey to the Highlands of Scotland» (1777)]. *XVIII vek.* Sb. 19. SPb: IRL RAN. pp. 223–268. [in Russian]
- Lekke, 2012** – *Lekke M.* (2012). Vnutrennie kolonii – pestrye okrainy: Ukraina i Belarus' (Malorossija i Belorossija) v proizvedenijah A.I. Kuprina [Internal colonies – motley outskirts: Ukraine and Belorussia (Little Russia and White Russia) in the writings of A.I. Kuprin]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii.* Sb. statej. Pod red. A. Jetkinda, D. Uffel'manna, I. Ku-kulina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 552–584. [in Russian]
- Liven, 2007** – *Liven D.* (2007). Rossijskaja imperija i ee vrugi s XVI veka do nashih dnei [Russian Empire and its rivals since XVI c. till our days]. M: Evropa. 688 p. [in Russian]
- Luchickaja, 2003** – *Luchickaja S.I.* (2003). Sravnitel'nyj metod v istorii: vzgljad iz Germanii (dostizhenija i perspektivy nemeckoj komparativistiki) [Comparative method in History: view from the Germany (achievements and perspectives of german comparative studies)]. *Sravnitel'naja istorija: metody, zadachi, perspektivy.* M.: IVI RAN. pp. 302–318. [in Russian]
- Makolej, 2001** – *Makolej T.B.* (2001). Anglija i Evropa: Izbr. Jesse [England and Russia: selected essays]. SPb.: Aletejja. 500 p. [in Russian]
- Miller, 2008** – *Miller A.* (2008). Imperija Romanovyh i nacionalizm. Jesse po metodologii istoricheskogo issledovanija [Empire of Romanov dynasty and nationalism. Essays in methodology of historical studies]. M.: Novoe literatur-noe obozrenie. 248 p. [in Russian]
- Miller, 2010** – *Miller A.* (2010). Priobretenie neobhodimoe, no ne vpolne udobnoe: transfer ponjatija nacija v Rossiju (nachalo XVIII – seredina XIX vv.) [Acquisition is necessary, but not quite convenient: a concept transfer the nation to Russia (the beginning of XVIII – the middle of the 19th centuries)]. *Imperium inter Pares: rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917).* Sb. st. Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Alek-sej Miller. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 42–66. [in Russian]

Nojmann, 2004 – Nojmann I. (2004). Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej [The uses of the «Other». Images of the East in the formation of the European identities]. M.: Novoe Izdatel'stvo. 336 p. [in Russian]

Norimacu, 2012 – Norimacu K. (2012). Problema granicy «Rossii» v kavkazskih tekstah russkogo romantizma [The problem of the boundary of «Russia» in the Caucasus texts of Russian romanticism]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii*. Sb. statej. Pod red. A. Jetkinda, D. Uffel'manna, I. Kukulina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 284–308. [in Russian]

Oksman, 1984 – Oksman Ju.G. Pushkin v rabote nad romanom «Kapitanskaja dochka» [Pushkin at work on the «Captain's daughter» novel]. *Pushkin A.S. (1984). Kapitanskaja dochka [Captain's daughter]. AN SSSR. Literaturnye pamjatniki. L.: Nauka. pp. 148–170. [in Russian]*

Pushkin, 1962 – Pushkin A.S. (1962). Istorija Pugacheva [Pugachev story]. *Sobranie sochinenij v 10 t., Tom 7. M.: GIHL. pp. 6–149. [in Russian]*

Soplenkov, 2000 – Soplenkov S.V. (2000). Doroga v Arzrum: rossijskaja obshhestvennaja mysl' o Vostoke (pervaja polovina XIX veka) [The Road to Arzrum: Russian public thought about the East (first half of the XIX century)]. M.: Izdatel'-skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN. 214 p. [in Russian]

Anderson, 1983 – Anderson B. (1983). *Imagined Communities: reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London and New York: Verso, 1983. 224 p.

Bickham, 2005 – Bickham T. (2005). *Savages within the Empire: Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 314 p.

Clyde, 1998 – Clyde R.D. (1998). *From Rebel to Hero: The Image of the Highlander, 1745–1830*. East Linton: Tuckwell Press. 201 p.

Fulford, 2006 – Fulford T. (2006). *Romantic Indians. Native Americans, British Literature and Transatlantic Culture, 1756–1830*. Oxford: Oxford University Press. 336 p.

Graham, 1822 – Graham N. *An Inquiry into the Causes which Facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, &c, 1747* [Extracts from a MS. in the possession of the Gartmore family, communicated by Walter Scott, Esq.]. *Burt E. (1822). Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II. Ed. by R. Jamieson. London: Ogle. pp. 338–370.*

Kidd, 1994 – Kidd C. (1994). *Antiquity and National Identity*. *English Historical Review*. № 1197–1214. p. 12.

MacKillop, 2000 – MacKillop A. (2000). «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton: Tuckwell Press. 290 p.

Miller, 1988 – Miller D. (1988). *The Novel and the Police*. Berkley: University of California Press. 222 p.

Ridley, 1983 – Ridley H. (1983). *Images of Imperial Rule*. London: Palgrave Macmillan. 181 p.

Said, 1993 – Said E.W. (1993). *Culture and Imperialism*. London: Vintage Books. 380 p.

Said, 1978 – Said E.W. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books. 368 p.

Scott, 1893 – Scott W. (1893). *Manners, Customs and History of the Highlanders of Scotland. Historical Account of the Clan MacGregor*. Glasgow: Thomas D. Morison. 236 p.

Hobsbawm and Ranger, 1983 – Hobsbawm E. and Ranger T. (eds.) (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.

Асимметричные конфликты глобальных держав и формирование национальной идентичности в компаративном измерении постколониальных исследований

Станислав Геннадьевич Малкин ^{a, *}, Сергей Олегович Буранок ^a,
Дмитрий Александрович Нестеров ^a

^a Самарский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Формирование национальной идентичности и конструирование политической нации – это не только предмет изучения для современного историка, но и насущная имперская (по характеру и сути) задача для британского и российского государства – как для реализации имперских проектов в XVIII в., так и для успешной конкуренции с национализмами в империи и за ее пределами в XIX и XX вв. В России и Британии Нового времени идентичность, таким образом, являлась идентичностью имперской, и в этом смысле ее компоненты приобретали имперское значение и измерение. Среди них в том числе и образы шотландского горца и казака/степняка – сначала как конституирующего «Другого» в роли мятежного «варвара» в качестве своеобразной инверсии эпохи Просвещения, а затем как пример патриотизма и образец героя империи в эпоху предромантизма и романтизма второй половины XVIII – первой трети XIX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s.g.malkin@mail.ru (С.Г. Малкин)

Таким образом, романтизм явился одной из форм дальнейшей интеллектуальной колонизации европейских окраин и ее мятежных еще вчера обитателей, а основным историко-литературным приемом в данном случае стало историческое моделирование асимметричных конфликтов между «варварской» окраиной и «цивилизованным» политическим центром посредством исторического романа как одного из важнейших культурных событий XIX в. Пребывая, во-многом, в тени Просвещения, этот процесс отражал явления в истории британской и российской общественно-политической мысли не менее важные, чем реакция на революционные события во Франции, Наполеоновские войны, осмысление социальных последствий промышленного переворота в Великобритании или сохранения крепостничества в Российской империи.

При этом историческое моделирование асимметричных конфликтов, типичных для имперских окраин в эпоху колониальных держав, осуществлялось не только в форме исторического романа, но и в форме исторического письма как такового. Нарративная традиция центра в этом смысле представляла собой не только способ осмысления прошлого, но и являлась одной из форм колониального знания, влиявшей на формирование имперской идентичности. Постколониальная деконструкция таких сочинений об «уроках истории» (о «полезном» для консолидации политической нации прошлом) в компаративном измерении позволяет увидеть, каким образом шел процесс интеграции окраин в тело империи на риторическом уровне, в сфере общественного сознания, на уровне принятия конкретных политических решений.

Ключевые слова: асимметричный конфликт, компаративные исследования, постколониальные исследования, национальная идентичность, Британская империя, Российская империя.